

“ТРОГАТЬ ЭТО КЛАДБИЩЕ – КОШУНСТВО”: КАК АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ МОГУТ ОСКОРБИТЬ ЧУВСТВА ВЕРУЮЩИХ И УКРЕПИТЬ ЭТНОРЕЛИГИОЗНУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ – АЛАНИИ

С.А. Штырков

Сергей Анатольевич Штырков | <http://orcid.org/0000-0002-1664-3575> | shtyr@eu.spb.ru |
к. и. н., старший научный сотрудник | Европейский университет в Санкт-Петербурге
(ул. Гагаринская 6/1а, Санкт-Петербург, 191187, Россия)

Ключевые слова

Северная Осетия – Алания, кошунство, оскорбление чувств верующих, нативизм, религиозная онтология, археология

Аннотация

В 2020 г. в Республике Северная Осетия – Алания начались раскопки грунтового могильника около средневековой часовни в с. Нузал. Этот архитектурный объект очень важен для исторической памяти осетин, так как считается усыпальницей Ос-Багатара, последнего царя независимого средневекового государства предков осетин – алан. Кроме того, это небольшое здание вписано в качестве очень важного элемента в два конкурирующих нарратива об истинной этнической религии осетин. Православными часовня в с. Нузал трактуется как древняя христианская святыня (поскольку там сохранились средневековые церковные фрески), а осетинскими религиозными нативистами – как дохристианский объект, незаконно апроприированный христианами миссионерами. Когда начались раскопки, часть нативистов заявила, что эти работы являются кошунством. В статье рассматривается, как работает дискурс “оскорбления религиозных чувств”, когда акт трансгрессии порождается скорее творческим воображением оскорбленных людей, нежели намеренными действиями предполагаемых кошунников. Более того, эти чувства могут стимулировать укрепление этнорелигиозных идентичностей, остающихся плохо артикулированными вне этих драматических событий.

Информация о финансовой поддержке

Исследование проведено при финансовой поддержке следующих организаций и грантов Российский научный фонд, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [проект № 21-18-00508]

Статья поступила 24.11.2022 | Окончательный вариант принят к публикации 15.03.2023
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Штырков С.А. “Трогать это кладбище – кошунство”: как археологические раскопки могут оскорбить чувства верующих и укрепить этнорелигиозную идентичность в Северной Осетии – Алании // *Этнографическое обозрение*. 2023. № 2. С. 93–110. <https://doi.org/10.31857/S0869541523020057> EDN: QUYLTV

Shtyrkov, S.A. 2023. “Trogať eto kladbishche – koshchunstvo”: kak arkhelogicheskie raskopki mogut oskorbit' chuvstva veruiushchikh i ukrepiť etnoreligioznuiu identichnost' v Severnoi Osetii – Alanii [It Is “Blasphemy to Touch This Burial”: How Archaeologists Can Hurt the Feelings of Believers and Strengthen the Ethnic-Religious Identity in the North Ossetia – Alania]. *Etnograficheskoe obozrenie* 2: 93–110. <https://doi.org/10.31857/S0869541523020057> EDN: QUYLTV

В конце сентября 2020 г. сотни жителей северокавказской республики Северная Осетия получили странное голосовое сообщение через мессенджер WhatsApp. Речь шла о неких земляных работах вокруг известного памятника средневековой архитектуры – часовни в с. Нузал (осет. *Нузалы аргъуан*, букв. “нузальская церковь”)¹:

Те могилы, которые разграблены, [в них] нет костей. Не могут найти кости. Их по ходу куда-то вывозят для чего-то. Понимаешь как. Вот просто под носом. Пока мы спим, пока мы спим, идет просто осквернение и расхищение <...> идет осквернение могил предков. Хуже вот этого нету для осетина. Вот хуже, чем тронуть могилы предков, просто нету и быть не может. Со скифских времен это так. Это сейчас просто идет. И причем копают вообще другие люди, а руководят работами вообще, елки-палки, ж*ды, понимаешь? Ж*ды, которые на службе РПЦ. Вот говоря откровенно и своим языком – правду говоря, ж*ды руководят работами краснодарских археологов. Под руководством, короче, ж*дов, которые работают на РПЦ. Вот так вот. В общем, РПЦ, епархия за этим всем стоит. <...> Чем больше осетин об этом узнает, тем будет лучше. Нужен резонанс, и нужно, чтоб народ весь встал и выгнал их отсюда, чтобы они вернули кости на место и мы их захоронили обратно.

Из обращения было ясно, что имелись в виду раскопки древних захоронений, проводимые, согласно распространенному мнению, по инициативе местной епархии Русской православной церкви (на самом деле это не совсем так: реставрация самой часовни была инициирована епархией, а археологические работы – Комитетом по охране и использованию объектов культурного наследия Республики Северная Осетия – Алания). Кроме того, для многих было очевидно, что отправивший сообщение принадлежит к религиозному движению “традиционалистов” (последнее называют по-разному: *Ирон дин* [“осетинская религия”], *Æцаг дин* [“истинная религия”], *Уацдин* [“истинная религия”] и т.д.)². Это движение нельзя назвать хорошо структурированным. Хотя существует несколько официально зарегистрированных общин осетинской этнической веры, мы имеем дело с полем социального взаимодействия, расположенным в значительной степени в социальных сетях. Движение не имеет четких границ, но в нем можно выделить ряд ярких проектов, фигур и/или групп, которые поддерживают/не поддерживают друг друга в зависимости от ситуации. Для представителей этих кругов характерно критичное отношение к православной церкви, проявляющееся в разных формах – от едких насмешек до яростных обвинений, как это было в приведенном выше голосовом сообщении.

Прежде чем описывать последовавшие за этим события, необходимо сказать несколько слов о религиозной идентичности осетин. С точки зрения стороннего наблюдателя (назовем это “взглядом из Москвы”), большинство жителей республики, включая осетин, – православные, есть здесь и не очень значительное, но хорошо заметное в публичном пространстве мусульманское меньшинство. Однако данные разных опросов о количестве сторонников той или иной религии могут отличаться, и число православных верующих может колебаться от 35 до 85%. Дело в том, что в последние полтора десятилетия респондентам как вариант ответа о религиозной принадлежности предлагается “традиционная вера (или религия) предков”. Его внесение в анкеты – результат достаточно энергичной деятельности упомянутых традиционалистов, которые не только убеждали социологов в том, что их движение представляет собой настоящую религию, но и, как мне известно, сами инициировали некоторые подобные опросы и в ходе них среди прочего объясняли респондентам, что значит “исповедовать веру предков”.

Необходимость в таких разъяснениях возникает потому, что многие осетины не видят большой проблемы в том, чтобы быть православным и “исповедовать веру предков” одновременно – для многих эти две идентичности не

являются взаимоисключающими, как, например, принадлежность к исламу и христианству (так, в большинстве социальных контекстов, нельзя представить, что человек может быть одновременно христианином и мусульманином или, скажем, православным и католиком). Но для традиционалистов это “наложение” кажется грубым нарушением принципа исключаящей религиозной идентичности, который они переняли от “основных” религий (по этому вопросу см.: Brož 2009). Они считают, что человек, который не видит проблемы в том, чтобы называть себя православным и в то же время исполнять традиционные ритуалы, совершает ошибку и лишает “веру предков” статуса полноценной религии, низводя ее до уровня разрозненного набора “верований и обычаев”. Для нативистов естественным положением дел было бы признание большинством осетин, что у них как у народа есть своя этническая религия и они должны ее придерживаться. Дальше остается только обнаружить эту религию в привычных реалиях своей жизни и начать (или продолжить) исповедовать эту религию уже осознанно.

Возвращение к вере (или в определенном смысле обращение в веру) предков в данном контексте означает, что осетины, многие из которых считают себя православными, должны отказаться от христианства. Оно, согласно убеждениям традиционалистов, является религией чужаков (в этой среде распространена идея порабощения народов мира). Однако, по мнению осетинских нативистов, их православным согражданам не нужно ничего делать специально, чтобы перестать быть христианами. Тем более что большинство осетин (и это характерно для России в целом) воспринимают “свое” православие скорее как “викарную религию”, т.е. что-то в теории важное, но не очень часто используемое, а потому переданное для хранения религиозным профессионалам, которые “занимаются” религией в местах, где обычным людям нет необходимости часто бывать (Davie 2007). Таким осетинам достаточно признаться себе в том, что их родная культура является нехристианской в своей основе и что, придерживаясь традиций своих предков, они действуют как нехристиане. Иными словами, вопрос о религиозной идентичности осетин – по сути, вопрос о том, какая религия лежит в основе их этнических традиций. Это можно определить, выяснив, какую религию исповедовали предки, от которых сегодняшние осетины получили в наследство свою культуру.

То, как нативисты смотрят на эту ситуацию, определяется их представлениями о социальной природе настоящей религии. Они явно не готовы поверить, что таковой является религия, предполагающая “принадлежность к ней без веры в ее догматы” (“belonging without believing”)³ (хотя можно сказать, что эта ситуация характерна для обществ не только позднего модерна, но и более ранних эпох, когда принятие человеком определенной веры часто было вопросом его политической лояльности, а не личных убеждений [Khodarkovsky 1996; ср.: Esders 2012]). Традиционалисты убеждены, что настоящая религия предполагает жесткую взаимосвязь между определенными верованиями, практиками и идентичностью. Мне не раз приходилось быть свидетелем того, как нативисты убеждали людей, исполняющих осетинские обряды, что в данный момент они практикуют осетинскую этническую религию, хотя, как это ни прискорбно, сами этого не осознают. Когда же “сознательные” христиане совершают осетинские традиционные обряды, они, согласно этой точке зрения, фактически делают то, что их религия – христианство – делать не позволяет, т.е. участвуют в отправлении чуждого им культа. При таком взгляде на вещи получается, что христиане не только отступают от своей религии, но и присваивают не принадлежащее им имущество (элементы осетинской религии).

Этот принцип тесной связи практик, идей и идентичности, который и лежит в основе настоящей религии, традиционалисты смело проецируют в прошлое. Именно поэтому раскопки любого средневекового могильника важны, так как могут принести доказательства в пользу той или иной точки зрения: если в древних могилах будут найдены христианские артефакты, это будет свидетельствовать о том, что погребенные верили в Христа, а если их не найдут – что они в него не верили.

Возвращаясь к вышеупомянутому откровенно алармистскому голосовому сообщению, можно сказать, что оно принесло желаемый для его автора результат. Несколько десятков молодых людей прибыли на место раскопок и попытались остановить работы, утверждая, что у археологов нет необходимых разрешений на их проведение. Дело дошло практически до рукоприкладства. Но вскоре выяснилось, что у археологов есть все документы и они имеют право и даже должны проводить раскопки могильника в с. Нузал. После этого последовали заявления некоторых местных экспертов о том, что традиционалисты, будучи глубоко невежественными людьми, ненавидящими археологию и вообще академическую науку, позорят свой народ и республику и т.д. Ситуация с раскопками стала началом очередного витка дебатов вокруг вопросов истории христианства в Осетии и религиозной идентичности осетин⁴. Она затронула очень болезненную тему как для руководства республики, так и для многих ее жителей: ведь до недавнего времени им казалось, что в Северной Осетии, с населением около 700 тыс. человек, нет и не может быть места межрелигиозным распрям.

Согласно самой распространенной версии истории религии в Осетии, предки осетин, аланы, приняли христианство от византийских миссионеров в начале X в. (*Kouznetsov, Lebedynsky* 2005: 175–182). Через несколько веков из-за вражеских нашествий регулярная церковная жизнь в большинстве мест, в которых сейчас живут осетины, прекратилась. С XVIII в. Российская империя, пришедшая на Кавказ, стала устанавливать церковные структуры заново, и, если можно так выразиться, христианство пришло в этот край еще раз. Несмотря на разрыв в истории присутствия церкви в Осетии, факт крещения алан очень важен для государственной политики республики, так как он представляет “православных” со времен Средневековья осетин естественными союзниками своих единоверцев – русских – в регионе, населенном преимущественно мусульманскими народами. Даже история о том, как осетины стали подданными Российской империи, до недавнего времени представляла собой довольно прямолинейное повествование о добровольном вхождении этого народа в ее состав. И эта добровольность, предполагающая наличие особых доверительных отношений с Россией, должна отличать осетин от соседних кавказских народов, которые были включены в число подданных империи силой оружия. В этом контексте любое замечание о религиозной идентичности осетин и месте православия в республике относится, по крайней мере потенциально, к вопросу об основаниях лояльности республики федеральному центру. В то же время это касается, как уже было сказано, и проблемы оснований этнической идентичности самих осетин.

Итак, согласно официальному историческому нарративу, предки осетин – аланы – приняли православную веру от византийцев много веков назад. В 2022 г. в республике отмечалось 1100-летие крещения Алании, и из Москвы были получены деньги на подготовку к этому важному событию. Большая их часть пошла на восстановление средневековых христианских памятников, что сделало бы историческое присутствие православия на осетинской земле более наглядным и визуально убедительным.

Кстати, автор упомянутого выше сообщения в WhatsApp действительно был прав (по крайней мере частично): реставрация часовни в с. Нузал проводилась по инициативе местной православной епархии, поскольку была частью программы подготовки к памятной дате. И особое внимание к этому объекту со стороны епархиального руководства вполне понятно. Дело в том, что он очень важен для исторического воображения осетин, так как многие считают его могилой Ос-Багатара – последнего царя независимого средневекового государства алан. Найденные в ходе реставрационных работ могилы вокруг часовни были восприняты некоторыми как “царское кладбище” или некрополь царских дружинников. В любом случае обнаружение могильника повысило статус часовни как национальной святыни, само существование которой служит для многих не только свидетельством былого величия их предков, но и подразумеваемым свидетельством легитимности осетинской государственности⁵.

Тот факт, что православная институция получила право на проведение работ на таком важном объекте, не понравился традиционалистам. Они придерживаются мнения, согласно которому этот объект изначально был царской усыпальницей, не имевшей к церкви никакого отношения, а часовню из нее сделали православные миссионеры гораздо позже⁶. Но, так или иначе, благодаря прекрасным фрескам часовня в Нузале воспринимается как памятник средневекового христианства. Поэтому неудивительно, что за ее восстановление отвечала епархия. Однако изначально вскрывать древние захоронения не планировалось. Реставраторы почти случайно наткнулись на могильник, и его пришлось раскапывать в аварийном порядке спешно нанятым археологам. Без этого реставрационные работы, в соответствии с требованиями законодательства, не могли быть продолжены.

Археологи, приехавшие из соседнего Краснодарского края, и представить себе не могли, насколько сложен политический контекст их работы. Поэтому они были крайне удивлены как агрессивной реакцией некоторых осетин, так и подозрениями, что они, археологи, были наняты, чтобы подбросить “христианские артефакты” в древние могилы (якобы для “христианизации” родственников и/или воинов последнего аланского царя и, таким образом, эпического прошлого всего этого народа⁷). Не менее странно для участников экспедиции звучало обвинение в том, будто они оскверняют могилы чьих-то предков: эти могилы никто не почитал, потому что о них просто никто не знал. Территорию могильника закрывали более поздние грунтовые слои, и погребения, находившиеся на центральной площади селения, были практически незаметны. Еще одной причиной для возмущения было то, что некоторые археологи работали на раскопе в шортах, что для них было вполне привычно, но вызывало естественное возмущение в республике, где многие считают ношение подобной одежды взрослыми в общественных местах (а тем более на кладбище) неприличным. Но в любом случае мы можем говорить о том, что акт осквернения был порожден скорее творческим воображением возмущенных людей, нежели намеренными действиями предполагаемых осквернителей (*Favret-Saada* 1992: 258).

Но как бы там ни было, общественное мнение республики было взбудоражено развернувшимися событиями. В дискуссию оказались втянуты ученые, чиновники, журналисты, активисты самых разных движений и организаций. В какой-то момент традиционалисты, спровоцировавшие эти дебаты и столкнувшиеся с тем, что их требования прекратить раскопки не легитимны как с точки зрения российского законодательства, так и с позиции политической и культурной элиты Северной Осетии, решили не сдаваться. На новом этапе их протест выразился в жестком требовании вернуть найденные археологами в могильнике кости на прежнее место и захоронить их в соответствии с (современными) осе-

тинскими погребальными ритуалами. Тем самым традиционалисты продолжили бороться за свое право реагировать на археологические исследования, проводящиеся на территории, которую они считают своей этнической родиной.

Чтобы сделать свои действия более легитимными в глазах общества, активным противникам раскопок пришлось искать новые аргументы. И они их нашли, указав на то, что их мир устроен иначе, чем мир археологов и модернизированной элиты, что для них, традиционалистов, актуальны ценности древних предков. Не зря в этом контексте упоминались скифы и, порой эксплицитно, известный эпизод из “Истории” Геродота, когда мобильные и осторожные кочевники предложили персидскому царю, жаждавшему встретить их в открытом бою, попытаться найти и разрушить могилы их предков:

Мы что оставим своим потомкам? Ничего. Оставим просто воспоминания о нас, как о слабых людях, которые даже могилы своих предков не смогли защитить. Понимаешь, в чем дело? <...> Когда... Дарий пришел на Скифию воевать, и скифы долго от него скрывались. И он им сказал: “Вы, говорит, трусы, как зайцы от меня убегае””. Ему что скифы ответили? Они сказали, что: “Это все наша земля, мы кочевники, куда хотим туда и кочуем. У нас нет городов, нам защищать ничего. Но, говорит, найди, говорит, могилы наших предков, оскверни их, и тогда ты узнаешь наш гнев и живым отсюда не уйдешь”. Это же было, это исторический факт. И согласно нашей традиционной религии это [для] нас является ценностью до сих пор. Потому что мы их прямые потомки, хотим мы этого или не хотим (Борьба за историю Алании 2020).

Указание на удивительную стабильность аксиологической системы было для традиционалистов в этой полемике не единственным важным аргументом, хотя идея “нас не изменили тысячелетия, и вам не удастся это сделать” выглядела для них самих достаточно убедительной. Но, кроме этого, как видно из приведенной цитаты, их требования часто формулировались в терминах защиты осетинской этнической религии и религиозных чувств ее последователей. Приведу пример того, как один традиционалист, представитель группы, решившей продолжать бороться за прекращение раскопок, описывает свои чувства в виде обращения на YouTube (свое “западное” имя Артур он произносит и пишет “Арт-Хур”, что по-осетински может означать “огненное солнце”):

Нузал – это могилы наших предков. У нас это царское кладбище. Можно сказать, это один из последних осколков нашей истории. Один из последних осколков, которые показывают, что у нас было свое государство, мы великий народ. У нас в генах прописано, что у нас были цари, государственность у нас была. И мне кажется, что трогать вот это кладбище – это кощунство. Для любого осетина – это кощунство. <...> Я думаю, это как бы была, знаешь, последняя опора, последняя точка. Я думаю, что осетин не может равнодушно жить, смотреть, когда происходят такие вещи. <...> раскапывать наши кладбища – это кощунство, это варварство. Нам не оставляют другого шанса. Например, для меня... меня прижали к стене, даже не к стене, а к обрыву. Если я сейчас делаю шаг назад, то сзади меня только ждет позор и смерть. Больше меня ничего не ждет. Ну а зачем жить тогда? (Раскопки в Нузале и Ирон Агъдау 2020)

Как видим, Арт-Хур утверждает, что сейчас он очень остро переживает те эмоции, которые должен испытывать каждый осетин в подобных ситуациях. Он в отчаянии, чувствует себя беспомощным и оскорблен до такой степени, что не представляет, как существовать дальше. Его социальная и личностная идентичности оказываются практически равными этнической и религиозной.

Здесь для нас важны три момента. Первый заключается в том, что в обращении Арт-Хура нация (или этническая группа) представлена, в терминологии Барбары Розенвейн, как “эмоциональное сообщество” – “группа, в которой люди придерживаются одинаковых норм эмоционального выражения и высоко (или наоборот, низко) оценивают одни и те же или схожие чувства” (Rosenwein

2006: 2). Подчеркну: если Розенвейн определяет какие-то социальные группы как эмоциональные сообщества, сама к ним не принадлежа, то в нашем случае как эмоциональное сообщество этническую группу определяет человек, который себя к ней относит. Делает он это, описывая свои эмоции (и эмоции своих товарищей) как нормативные и, что более важно, естественные, порожденные самой этнической природой того человека, который их испытывает.

Второй момент связан с тем, что Арт-Хур, решив публично продемонстрировать свои оскорбленные чувства, пошел на некоторое нарушение традиционных норм поведения, которые предполагают, что мужчины не должны показывать свои эмоции окружающим. Эта сдержанность определяется важным осетинским понятием *Ирон Аѣсарм*, которое обычно переводят как “осетинская скромность”, но надо сказать, что это очень суровая скромность. Так, например, вопиющим нарушением этого принципа считается (или до недавнего времени считалось) публичное признание в любви и предложение руки и сердца, сделанное в ресторане.

И, наконец, важно то, что, хотя Арт-Хур говорил о своих чувствах как осетин, а не как верующий, для характеристики действий, которые вызвали его возмущение, он употребил слово “кощунство”, которое переводит нас в поле значений, связанных с представлениями о святости и необходимом, естественном уважении к ней. Товарищ Арт-Хура, известный осетинский видеоблогер Алан Мамиев прямо утверждал, что раскопки выглядят как преступление против осетинской этнической религии и должны рассматриваться как оскорбление чувств ее последователей:

То, что сейчас там происходит, это оскорбление чувств верующих, то есть нас. Есть такая поговорка кавказская: если у тебя, говорит, нет сил сражаться, пусть у тебя хватит гордости стоять до конца. У нас сейчас нет сил сражаться, мы слабы, мы не хозяева на своей собственной земле. Но пусть у нас хотя бы хватит сил и гордости высказывать эту свою позицию. Да, мы будем стоять до последнего (Борьба за историю Алании 2020).

В истории с раскопками Мамиев быстро стал одним из главных спикеров традиционалистской стороны этого конфликта, он был среди тех, кто пришел в Нузал, чтобы остановить археологические работы. В своих социальных сетях (а Instagram* был главной из них) он с большим энтузиазмом погрузился в полемику, связанную с этими событиями. Мамиев уже давно пытался сделать максимально популярной идею, согласно которой осетины (и их предки), с одной стороны, и последователи авраамических религий и люди современного вестернизированного общества (они воспринимаются как один и тот же тип людей) – с другой, принадлежат к совершенно разным цивилизациям. Он неустанно подчеркивал, что у них диаметрально разные ценности и этика. Обсуждение эпистемологической структуры актуального социального знания казалось ему хорошей платформой для развития этих аргументов.

Аргументы, которые приводил Мамиев, были разного характера. Во-первых, он утверждал, что люди, похороненные у часовни в Нузале, для него и его единомышленников являются святыми, а их останки, соответственно, – мощами, к которым не должны прикасаться те, кому это не положено:

...для осетин, живущих в традиции, да, в традиционной осетинской религии святыми являются предки. Для нас... Осетины никогда не молились людям – хорошим там, они святые, уважаемые где-то, дай Бог им всем здоровья, а если они почил как бы... Царствие

* 21 марта 2022 г. российский суд признал компанию Meta экстремистской организацией и запретил ее деятельность на территории РФ, включая принадлежащую ей соцсеть Instagram.

Небесное. Но святыми для осетин по Агъдау являются только его предки. Понимаете? А там не просто предки. Там предки большей части осетинских современных фамилий вот там, в этом кладбище были упокоены. Это их мощи. И в этом смысле для представителей осетинской традиционной религии мощи, которые упокоены в Нузале – это то же самое, что для православного мощи, которые лежат в церкви. Это уважаемые останки уважаемых людей. Но там в православии одних, а здесь – других. Это наши прямые предки. Понимаете, в чем еще разница? Не просто там какие-то люди, там, которые жили где-то в Греции, в Риме там, Бог знает где еще. А это прямые по крови большинства современных осетин предки. Естественно, вызвало большое, бурное возмущение народа (Там же).

С этой точки зрения, вскрытие могил предков является таким же кощунством, как и осквернение мощей христианских святых:

То есть у них есть разрешение, замечательно. Но суть происходящего это не меняет. Это же все равно наши предки. И все равно их раскапывают. Во времена советской власти у большевиков тоже было разрешение превращать церкви в конюшни. Было же такое разрешение? Было. И законы такие были. И мощи собирали, там кости в мешок и выкидывали. Документальные хроники по этому поводу есть. Это же все тоже было. И все тоже было по закону, по тому закону того времени, закону военного коммунизма. И что? И вы сейчас же говорите, что это плохо было. Вот и мы говорим, что это тоже не очень хорошо. <...> Потому что для нас это наши предки, это святые мощи (Там же).

Еще одна линия рассуждений мистически связывает начало раскопок могильника в Нузале с событиями международной политики. Согласно этой логике, повторяющей схему повествования популярного нарратива о вскрытии гробницы Тамерлана в 1941 г., выпустившем дух великого завоевателя и фактически начавшем войну между СССР и нацистской Германией (Панков 2020: 152–154), раскопки в Нузале имели очень серьезные последствия: они положили начало военной эскалации на Кавказе. В этой объяснительной конструкции причинно-следственная связь событий уподобляется работе неких законов природы (или Вселенной), недоступных для понимания простых смертных:

Мне звонят мои знакомые, которые живут в Армении, и говорят <...>: “Это, говорят, действительно, род аланский?” Я говорю: “Да”. Говорят: “Это очень странно”. Я говорю: “А что такое?” – “А когда начали вскрывать первые захоронения?” Я говорю: “Честно, говоря я не знаю. По датам я не могу сказать. Но вот начали раскопки в конце августа. Может, в середине сентября, может, в начале, Бог его знает”. Он говорит: “Очень странно. Примерно в это же самое время начались боестолкновения наши, армян и азербайджанцев, первые вот всполохи. Первая вспышка тогда началась уже. Примерно по датам совпадало”. Я говорю: “А почему ты думаешь, что это может быть связано?” Ну он говорит: “Ты же знаешь, что такое подобного рода захоронения и что бывает, когда их вскрывают?” Я понимаю, сейчас у меня будете обвинять во всяких страшных вещах, но я договорю сначала. Дослушайте меня. Ну вот мы как-то это все дело обсудили. Люди это не глупые, тоже с высшим образованием, с кандидатскими, докторскими степенями. Это товарищи, которые понимают, как это работает, живущие вот в Армении, в Карабахе Нагорном самом. Это был для меня первый звонок (Раскопки могильника рода Царазонта 2020).

Наконец, третий нарратив связывает раскопки с угрозой социальных катаклизмов. Здесь Алан Мамиев вдохновляется представлениями о “местах силы”, из которых черпают жизненную энергию не только отдельные люди, но и целые народы. Рассуждая о тайных мотивах тех, кто организовал раскопки в Нузале, он говорит:

И удар по этому эгрегору – это удар по сегодняшней Осетии, это удар по сегодняшней России. Это удар, это просто мощный удар. Когда ты такие сакральные точки берешь, уничтожаешь, тогда нация становится слабее. <...> Это не просто сельское кладбище. Это такая энергетическая точка. Это удар по эгрегору, если хотите. Просто очень сильный удар по эгрегору. И потомки, мы все, показываем себя слабыми. Мы даже прах защитить не можем (Там же).

Несколько позже, уже после окончания истории с раскопками в Нузале, Мамиев объяснил суть тех событий в ярком рассуждении о процессах, происходящих во всем мире. В его рассказе представления нью-эйдж о древних памятниках как местах силы (*Timothy, Conover* 2006: 144) соединились с националистической эсхатологией и теориями глобального заговора элит:

...захват этих сакральных точек является одной из стратегических задач для людей типа Германа Грефа. Их задача, помимо того, что захватить землю, – заблокировать действие сакральных мест и в своих целях начинать использовать эту энергетику. <...> Война идет не только на уровне экономическом. Она на уровне сакральном, метафизическом идет. И этим людям во что бы то ни стало надо сделать, чтобы они не работали или работали на них эти места. <...> Это не просто люди. Хотел бы сказать: черные маги. <...> Вот эти вот места силы, их нужно либо заблокировать, уничтожить, либо перенаправить в своих интересах. Так как они темные, так как они темные, они не могут на этой энергии топить [работать], соответственно, их нужно уничтожить (Алтай и Алания 2021).

В других его аргументах логика повествования о святотатстве взята непосредственно из истории так наз. Алтайской принцессы, мумифицированные останки которой были обнаружены новосибирскими археологами в 1993 г. в Южной Сибири (подробности этой истории известны Мамиеву из личного общения с алтайскими этноэкологическими активистами). В течение 20 лет алтайцы требовали возвращения принцессы (это произошло в 2013 г.), а многие до сих пор требуют ее захоронения, связывая многие несчастья (напр., землетрясение 2003 г.) с тем, что дух принцессы не находит себе покоя. Агнешка Халемба и Людек Брож в своих статьях прекрасно объяснили, как конфликты различных онтологий определили суть конфликта между алтайцами и археологами⁸. Халемба в этой связи пишет об ощущении алтайцами как народом своей физической связанности с родной землей (*Halemba* 2008: 288–289), а Брож о том, что он называет “способом выявления причин несчастий” (“causation of misfortune idiom”), когда многие люди устанавливают связь между раскопками погребальных памятников и происходящими после этого различного рода бедствиями (*Brož* 2011: 273).

Чужды ли обитателям мира западного позднего модерна способность и/или потребность устанавливать подобные причинно-следственные связи для понимания окружающей реальности, сказать сложно, но популярность на Западе и своего рода “культурная” убедительность историй о наказании людей, причастных к раскопкам древних захоронений, говорят о многом (*Day* 2006: 4). Вопрос же, заслуживающий отдельного обсуждения, можно сформулировать следующим образом: как ощущают и проживают свою соединенность с предками и с землей, в которой эти предки лежат, те люди, которые по каким-то причинам не определяют эту землю и этих предков исключительно в качестве объектов? В поисках ответа можно вспомнить логику Сабы Махмуд, к которой она прибегла, объясняя неспособность западного обывателя понять природу возмущения мусульман карикатурами на пророка. Она писала, что мусульмане не могут воспринимать Мухаммеда как личность, отделенную от них, так как их практики благочестия предполагают, что “миметические способы воплощения поведения Пророка [в жизни мусульман] проживаются не как заповеди, а как добродетели, когда человек хочет как бы впитать в себя личность Пророка” (“one wants to ingest, as it were, the Prophet’s persona into oneself”) (*Mahmood* 2009: 75–76). Поэтому они оказываются далеки от того, чтобы в своих реакциях на появление “просто картинок” исходить из условности и произвольности связи между изображением и изображенным, которая, согласно Махмуд, характеризует семиотическую идеологию современного западного человека.

Если обратиться к раскопкам в Нузале, мы можем рассмотреть протест

нативистов, который был понятен и близок многим другим жителям республики, в остальном не разделяющим традиционалистских взглядов, как принципиальное непонимание того, как с их далекими предками, в которых они видят (скорее) субъектов, можно обращаться как с (скорее) объектами. В пользу этого свидетельствует не всегда ясно проговоренная публично, но для многих самоочевидная, расхожая (и именно потому не требующая экспликации) трактовка смысла практически любых археологических работ с погребениями: добыть материал для генетических экспертиз. Эти экспертизы, как полагают, нужны ученым для определения этничности захороненных. Фиксация на ДНК-анализе вкупе с распространённой на Северном Кавказе практикой самим сдавать “ДНК-анализы на национальность” устанавливает такой тип связи между современным человеком и предками, чьи тела лежат на древних кладбищах, который сложно определить в категориях условности и произвольности. Эта связь переживается как живая и даже физическая. Для людей, с тревогой и болью следящих за раскопками, эти мертвые и земля, в которой они лежат, – это их “кровь и почва”, это “они сами” в практическом и материальном понимании. Так происходит наполнение новыми смыслами, эмоциями и ощущениями старых метафор, которыми живет классический национализм.

Однако здесь можно задаться вопросом, насколько традиционны, не- и даже антимодерны эти семиотические идеологии, или, если видеть ситуацию в несколько иной антропологической перспективе, онтологии. Возможно, они представляют собой инверсированный вариант хорошо известного понимания того, кем является незападный человек и чем по своей природе являются все коренные народы. Если примерять на себя образ человека, буквально вырастающего из родной земли, физически связанного с далекими предками и не отличающегося от них ни по генетике, ни по системе ценностей, то можно осознать, что именно эта укорененность и эти связи, на которых основывается базовая идентичность такого человека, и будут трактоваться как его единственный надежный ресурс. При этом в качестве вынесенного за рамки этой ситуации самоочевидного допущения принимается, что подобного рода ресурсом не имеет смысла пользоваться позднемодерному сверхиндивидуализированному субъекту, полагающемуся на неолиберального “себя”, современное государство и технологии. Здесь автостереотип людей, неразрывно соединённых со своей землей и предками, оказывается генетически и функционально связан с колониальным способом работать с большим западным миром.

Типологически сходная проблема возникает и при обсуждении происхождения тех специфических ценностных установок и когнитивных моделей, на которые интеллектуалы-традиционалисты указывают в качестве аргументов в спорах с различными доминирующими группами. Похоже, что то, что они представляют как осетинскую этническую религиозную картину мира, складывается в результате работы по большей части позднемодерных нарративных схем, которые связаны с западной эзотерикой (в ее версии нью-эйдж). Некоторые из них могут быть рассмотрены как инвертированные понятия, взятые из доминирующих религиозных традиций (предки=святые) или из онтологий других этнических групп, переживающих процесс постколониальной рефлексии (история с Алтайской принцессой). И здесь, как бы мы ни хотели уйти от этого, возникает вопрос: мы должны рассматривать подобные действия по апроприации элементов колониального по своему происхождению интеллектуального аппарата как форму сопротивления колониальной (и неоколониальной) власти, о чем писал Хоми Баба в своей знаменитой статье “Знаки, принятые за чудеса” (Bhabha 1994: 120), или же как свидетельство невозможности выйти за рамки авторитетных западных дискурсивных моделей?

Оставив эту интерпретационную перспективу для дальнейших размышлений, я хочу несколько сменить масштаб своих рассуждений и попытаться ответить на вопрос: почему Алан Мамиев, который был особенно успешен в создании новой версии традиционалистской аргументации, принял такое активное участие в этой истории? Ведь до этого момента он не демонстрировал свою вовлеченность в конкретные публичные акции традиционалистов, ограничиваясь теоретическими спекуляциями в сфере современной психологии (и парапсихологии) религии в связи с актуальными политическими процессами. Чтобы ответить на этот вопрос, я воспользуюсь наблюдением, которое нашел в статье Жанны Фавре-Саада, посвященной оскорблению религиозных чувств:

На самом деле эта борьба за первенство является обычным измерением ситуаций религиозного протеста – даже если средства массовой информации... обычно оказываются не в состоянии это осознать. Выступая против нечестивых художников (в нашем случае – раскопок. – С.Ш.), группы верующих пытаются продемонстрировать массе своих единоверцев свое религиозное рвение: они показывают, что не боятся противостоять государственной власти... Учитывая это, можно сказать, что любой конфликт, в котором отряд особенно преданных верующих сталкивается с миром непосвященных и неверующих, предполагает предварительную конкуренцию между религиозными группами за то, чтобы завоевать внимание религиозных масс (Favret-Saada 2016: 34).

Иными словами, чтобы представить себя особо преданным верующим (по сравнению с другими верующими), человек демонстрирует, во-первых, готовность вступить в конфликт с доминирующими в обществе силами, во-вторых, свою особую чувствительность и принципиальность в вопросах верности, в нашем случае этнической традиции (*Egdau*), доктринальным и ритуальным институтам. Показывая свою готовность к самопожертвованию, острую проницательность в деле распознавания в действиях других людей угрозы основным социальным ценностям, а также стремление энергично реагировать на эти угрозы, человек вступает в особые отношения конкуренции с другими активистами того же или близкого движения.

О какой конкуренции здесь может идти речь? Мамиев постоянно сталкивается с тем, что его версия (видение) осетинской веры не воспринимается всерьез другими традиционалистами и прежде всего теми, кто имеет реальную власть в зарегистрированных общинах этой религии. Мамиев много делает для того, чтобы приблизить осетинскую духовную культуру в том виде, как ее представляет он сам, к современному человеку. Это включает в себя перевод реалий местных верований и практик на язык нью-эйдж и установление связей с другими неосетинскими нативистскими группами и проектами (с современным языческим проектом “Волшебное войско Руси” Игоря Полуйчика или с гуру нью-эйдж Юлием Ефимовым). Его довольно специфический способ трактовать привычные для любого осетина вещи – ритуальные застолья, местные святыни, к которым совершаются паломничества – приводит к тому, что многие местные жители просто не узнают в получающихся у него описаниях ничего собственно осетинского. В истории с раскопками в Нузале Мамиев действительно смог (на время) завоевать определенный авторитет в социуме именно как лидер традиционалистского активизма, способный организовать общественно значимое действие и имеющий заслуги перед нативистским проектом и осетинским народом в целом.

Рассказывая о своей работе по защите древнего кладбища на своих страницах в социальных сетях, Мамиев с особой гордостью указывал на то, что архиепископ Леонид (Горбачев), глава местной епархии Русской православной церкви, был настолько возмущен его активностью в деле защиты древних захоронений, что написал на него заявление в полицию. По словам Мамиева,

архиепископ написал аналогичные заявления и в прокуратуру, и в Федеральную службу безопасности. В своем видео активист обвинил влиятельного церковного иерарха в доносах, т.е. в нарушении местных этических норм, и напрямую сравнил себя с жертвами сталинских репрессий. Мамиев сказал, что хотя полиция пока не проявила к нему интереса, он ожидает, что в ближайшее время его могут ложно обвинить в хранении наркотиков или оружия (Раскопки в Нузале 2020). Насколько мне известно, заявление архиепископа не имело хода, но сама перспектива пострадать за свою принципиальную позицию и сетевую активность прибавила Мамиеву авторитета.

Когда же в самом конце декабря состоялось перезахоронение найденных при раскопках костей, большинство участников акции узнали об этом именно из сообщения Мамиева. Призывая соотечественников собраться в Нузале, он, в частности, сказал:

Мы проведем это перезахоронение. Приедут старшие, помолятся, всё, что надо сделают – обряд, положенный в нашей традиционной религии. Другие варианты не рассматриваются – панихид и прочего. Почему? Потому что с археологами советовались, археологи сказали, что в этих захоронениях никакой символики – ни исламской, ни иудейской, ни христианской найдено не было. Соответственно, это [были] люди, жившие в традиционной нашей культуре, и по этим же самым обычаям мы их и перезахороним (Дата перезахоронения 2020).

Мамиев, конечно же, сам поехал в Нузал, чтобы принять непосредственное участие в завершении этой истории с оскверненными могилами предков и восстановлением справедливости. То есть Осетия узнала о “победе традиционалистов в битве за Нузал” из уст Мамиева, который закончил свою речь, записанную на видео, (само)ироничным замечанием: “Это волшебная сила Instagram”⁹.

Через две недели после перезахоронения останков, найденных археологами в с. Нузал, Мамиев и его товарищи выпустили специальное видео, в котором подвели “научные” итоги раскопок, заявив, что археологи, о которых на этот раз говорилось с уважением, не нашли на этом могильнике никаких христианских захоронений: “Это не христианское захоронение, это не захоронение какой-либо другой религии. Это захоронение осетин, которые придерживались традиционной веры. Все!” Основания для этого утверждения были неочевидны для стороннего наблюдателя, но совершенно ясны для выступавших. Кроме того, в этом видео Мамиев не мог не вернуться к своей излюбленной теме попыток темных сил завладеть “сакральными, энергетическими местами” Осетии; он привел дополнительные подробности:

За этими местами идет охота. Во время Второй мировой войны этим занималось Ане-нербе. Дивизия СС “Брандербург” сюда рвалась. Они же в горы рвались. Но ни золота, ни бриллиантов, ни нефти в Осетии нет. Но все сюда зачем-то рвутся. <...> Не все рвутся к грозненской нефти. Некоторые, скажем так, более продвинутые товарищи в этом мире, они рвутся за этими сакральными местами. И то, что мы сейчас видим – это вот попытка отжать у нас как у народа эти сакральные точки (Обращение к молодежи 2021).

Триумфаторские интонации в речи Мамиева вполне объяснимы: его действия привлекли внимание многих жителей республики и не только тех, кто разделяет традиционалистские взгляды. Однако гораздо важнее для него было то, что его интерпретации сакрального характера местных исторических памятников, его рассказ о борьбе вокруг них и ее скрытых механизмах, а главное –

⁹ 21 марта 2022 г. российский суд признал компанию Meta экстремистской организацией и запретил ее деятельность на территории РФ, включая принадлежащую ей соцсеть Instagram.

его умение продемонстрировать свою повышенную чувствительность к оскорблению этнорелигиозных чувств осетин, подняли общественный авторитет как всего нативистского проекта, так и его личную репутацию как активиста и эксперта по религии и – шире – вопросам духовности. Позже Мамиев использует этот ресурс, когда пригласит своих товарищей для проведения новых ритуалов, в которых осетинская обрядовая практика жертвоприношения будет творчески переосмыслена в такой степени, что вызовет у многих тревожное недоумение. Но это уже другая история.

В заключение я хотел бы обратиться к давно обсуждаемой проблеме: как люди, жизнь которых мы пытаемся понять (да и мы сами) используют понятие “религия”, наполняя его меняющимися и довольно противоречивыми смыслами. Мы видим, что некоторые осетинские нативисты пытались использовать общественное внимание, привлеченное конфликтом вокруг могильника в с. Нузал, чтобы заявить: раз наши религиозные чувства оскорблены, значит, наша религия – это нечто горячее и живое, что, будучи задето, причиняет нам реальную боль. Другими словами, это настоящая религия, а не некая симуляция или мистификация, как утверждают критики нативистского проекта. Парадоксально, но, хотя традиционалисты обычно понимают религию в терминах культурного наследия и общественного достояния, для достижения легитимности своей деятельности в глазах широкой общественности они начали использовать характерную для современного протестантизма интерпретацию религии как внутреннего убеждения и глубоко личного психологического явления, подлинность которого проверяется, в частности, способностью остро переживать боль, вызванную в нашем случае оскорбленными религиозными и, что в данном контексте почти одно и то же, этническими чувствами.

Примечания

¹ Детальная информация об этом памятнике содержится в монографии Владимира Кузнецова (*Кузнецов* 1990: 50–104).

² Об этом движении см.: *Foltz* 2021: 103–121.

³ Это проблематика обсуждается в ряде работ, см., напр.: *Marchisio, Pisati* 1999; *Riis* 1996.

⁴ Краткое описание и анализ этих событий дал Борис Синанов (*Синанов* 2022: 116–117).

⁵ О важности национальной памяти о своем государстве см.: *Шнирельман* 2000: 21–22; о важности археологических исследований для националистического исторического воображения см.: *Kohl* 1998; об образах эпического прошлого в современной политической жизни см. также: *Alonso* 1994.

⁶ Развернутую аргументацию этой позиции можно найти в книге Славы Джанайты (*Джанайты* 2007: 108–113). Такой взгляд на происхождение нузальского памятника имеет довольно долгую историю (см.: *Гольдштейн* 1975: 65; *Мужухов* 1985: 78–79; *Тменов* 1985: 49). Аргументы в пользу того, что это здание строилось как церковь, а именно как фамильный храм-усыпальница, приводятся в статье Дениса Белецкого (*Белецкий* 2004; см. также: *Белецкий, Виноградов* 2011: 276–277).

⁷ Вот пример такого мнения из комментария в одной из социальных сетей от 04.10.2020: “Раскопки ведёт заинтересованная в подделке осетинской истории сторона. Ей нет доверия. Мой род ведёт свои истоки от Ос-Багатара, и мне неизвестно ни одного христианского захоронения в нашей фамилии. Однако я не удивлюсь, если в результате ведущихся украдкой по заказу РПЦ исследований её наймиты, не имеющими никаких представлений об осетинской культуре, будет

заявлено, что там лежат сплошь, дескать, христиане <...> Это – не наука. Это – спекуляция наукой, историей, верой и всем святым” (<https://tinyurl.com/shj47v6u>).

⁸ В нескольких более поздних работах этот случай был включен в общее обсуждение значимых культурных объектов (если мы можем говорить о реликвиях предков как об объектах) в постколониальных контекстах (*Plets et al.* 2013; *Tadina* 2020).

⁹ Алан Мамиев рассказал о том, как сотни людей откликнулись на призыв о помощи и приехали в Нузал из разных уголков Осетии, чтобы перезахоронить наших предков. 30.12.2020. <https://tinyurl.com/38dysjf3>

Источники и материалы

Алтай и Алагия 2021 – #Алтай и #Алагия два сакральных центра #Евразии.

02.04.2021. <https://www.youtube.com/watch?v=QhpU4grmBLU>

Борьба за историю Алагии 2020 – Борьба за историю #Алагии. 08.10.2020.

<https://www.youtube.com/watch?v=FWnPeo8-k5s&t=14s>

Дата перезахоронения 2020 – Дата перезахоронения в с. Нузал. 28.12.2020.

<https://www.youtube.com/watch?v=WPZZHLE-8PM&t=4s>

Обращение к молодежи 2021 – Обращение к молодежи, по поводу сакральных территорий #Алагии. 09.01.2021. <https://www.youtube.com/watch?v=6ZjtHlMdApI&t=9s>

Раскопки могильника рода Царазонта 2020 – Раскопки царского аланского могильника рода #Царазонта. 18.10.2020. <https://www.youtube.com/watch?v=dqNx4hcs97o>

Раскопки в Нузале 2020 – Раскопки в #Нузале, чем закончились и что дальше? Архиепископ Горбачёв написал на меня заявление. 17.10.2020. https://www.youtube.com/watch?v=Akv6SC_6lwc

Раскопки в #Нузале и Ирон #Агъдау 2020 – Раскопки в #Нузале и Ирон #Агъдау. Две важнейшие темы текущего момента в Алагии. 02.12.2020. <https://www.youtube.com/watch?v=K4fFJ4PdPQU>

Научная литература

Белецкий Д.В. Заметки о Нузальском храме // Историко-филологический архив. 2004. № 2. С. 22–57.

Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю. Нижний Архыз и Сенты – древнейшие храмы России. Проблемы христианского искусства Алагии и Северо-западного Кавказа. М.: Индрик, 2011.

Гольдштейн А.Ф. Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. М.: Наука, 1975.

Джанайты С.Х. Три слезы Бога. Владикавказ: СОИГСИ им. В.И. Абаева, 2007.

Кузнецов В.А. Реком, Нузал и Царазонта. Владикавказ: Ир, 1990.

Мужухоев М.Б. К вопросу об интерпретации некоторых культурных памятников Северной Осетии эпохи Средневековья // Вопросы историко-культурных связей на Северном Кавказе / Отв. ред. М.М. Блиев. Орджоникидзе: СОГУ им. К.Л. Хетагурова, 1985. С. 72–82.

Панков И.А. Легенды об осквернении святынь как элемент структуры сакрального пространства мазара // Традиционная культура. 2020. Т. 21. № 2. С. 148–159. <https://doi.org/10.26158/ТК.2020.21.2.013>

Синанов Б.А. 1100-летие Крещения Алагии в общественно-политическом и общественном дискурсе Северной Осетии // *Kavkaz-Forum*. 2022. № 11 (18). С. 108–128. <https://doi.org/10.46698/VNC.2022.18.11.009>

- Тменов В.Х.* Древние верования осетин и ингушей и их отражение в памятниках материальной культуры // Вопросы историко-культурных связей на Северном Кавказе / Отв. ред. М.М. Блиев. Орджоникидзе: СОГУ им. К.Л. Хетагурова, 1985. С. 33–71.
- Шнирельман В.А.* Ценность прошлого: этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика // Реальность этнических мифов / Отв. ред. М.Б. Олкотт, А. Малашенко. М.: Гендальф, 2000. С. 12–33.
- Alonso A.M.* The Politics of Space, Time, and Substance: State Formation, Nationalism, and Ethnicity // Annual Review of Anthropology. 1994. No. 23. P. 379–405.
- Bhabha H.K.* The Location of Culture. L.: Routledge, 1994.
- Brož L.* Conversion to Religion? Negotiating Continuity and Discontinuity in Contemporary Altai // Conversion after Socialism: Disruptions, Modernisms and Technologies of Faith in the Former Soviet Union / Ed. M. Pelkmans. Oxford: Berghahn Books, 2009. P. 17–37.
- Brož L.* Spirits, Genes and Walt Disney's Deer: Creativity in Identity and Archeology Disputes (Altai, Siberia) // The Archaeological Encounter: Anthropological Perspective / Eds. P. Fortis, I. Praet. St. Andrews: University of St. Andrews, 2011. P. 263–297.
- Davie G.* Vicarious Religion: A Methodological Challenge // Everyday Religion: Observing Modern Religious Lives / Ed. N. Ammerman. N.Y.: Oxford University Press, 2007. P. 21–35.
- Day J.* The Mummy's Curse: Mummymania in the English-Speaking World. L.: Routledge, 2006.
- Esders S.* “Faithful believers”: Oaths of Allegiance in Post-Roman Societies as Evidence for Eastern and Western “Visions of Community” // Visions of Community in the Post-Roman World: The West, Byzantium and the Islamic World, 300–1100 / Eds. C. Ganter, R. Payne, W. Pohl. Aldershot: Ashgate Publishing, 2012. P. 357–374.
- Favret-Saada J.* Rushdie et compagnie: Préables à une anthropologie du blasphème // Ethnologie française. 1992. No. 22 (3). P. 251–260.
- Favret-Saada J.* An Anthropology of Religious Polemics: The Case of Blasphemy Affairs // HAU: Journal of Ethnographic Theory. 2016. No. 6 (1). P. 29–45.
- Foltz R.* The Ossetes: Modern-Day Scythians of the Caucasus. L.: Bloomsbury, 2021.
- Halemba A.* “What does It Feel Like when Your Religion Moves under Your Feet?” Religion, Earthquakes and National Unity in the Republic of Altai, Russian Federation // Zeitschrift für Ethnologie. 2008. No. 133 (2). P. 283–299.
- Khodarkovsky M.* “Not by Word Alone”: Missionary Policies and Religious Conversion in Early Modern Russia // Comparative Studies in Society and History. 1996. No. 38 (2). P. 267–293.
- Kohl P.L.* Nationalism and Archaeology: On the Constructions of Nations and the Reconstructions of the Remote Past // Annual Review of Anthropology. 1998. No. 27. P. 223–246.
- Kouznetsov V., Lebedynsky Y.* Les Alains: Cavaliers des steppes, seigneurs du Caucase: Ier-XVe siècles apr. J-C. Paris: Errance, 2005.
- Mahmood S.* Religious Reason and Secular Affect: An Incommensurable Divide? // Is Critique Secular? Blasphemy, Injury, and Free Speech / Ed. T. Asad et al. Berkeley: University of Berkeley, 2009. P. 64–100.
- Marchisio R., Pisati M.* Belonging without Believing: Catholics in Contemporary Italy // Journal of Modern Italian Studies. 1999. No. 4 (2). P. 236–255.
- Plets G., Konstantinov N., Soenov V., Robinson E.* Repatriation, Doxa, and Contested Heritages the Return of the Altai Princess in an International Perspective // Anthropology & Archeology of Eurasia. 2013. No. 52 (2). P. 73–98.

- Riis O. Religion et Identité Nationale au Danemark // Identités Religieuses en Europe / Eds. G. Davie, D. Hervieu-Léger. Paris: La Découverte, 1996. P. 113–130.
- Rosenwein B.H. Emotional Communities in the Early Middle Ages. Ithaca: Cornell University Press, 2006.
- Tadina N.A. A Native Anthropologist's View on Covering the "Altai Princess" Problem // Anthropology & Archeology of Eurasia. 2020. No. 59 (2). P. 112–127.
- Timothy D.J., Conover P.J. Nature Religion, Self-Spirituality and New Age Tourism // Tourism, Religion and Spiritual Journeys / Eds. D.J. Timothy, D.H. Olsen. L.: Routledge, 2006. P. 139–155.

Research Article

Shtyrkov, S.A. It Is “Blasphemy to Touch This Burial”: How Archaeologists Can Hurt the Feelings of Believers and Strengthen the Ethnic-Religious Identity in the North Ossetia – Alania [“Trogat’ eto kladbishche – koshchunstvo”: kak arkhologicheskie raskopki mogut oskorbit’ chuvstva veruiushchikh i ukrepit’ etnoreligioznuu identichnost’ v Severnoi Osetii – Alanii]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 2, pp. 93–110. <https://doi.org/10.31857/S0869541523020057> EDN: QUYLTU ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Sergei Shtyrkov | <http://orcid.org/0000-0002-1664-3575> | shtyr@eu.spb.ru | European University at St. Petersburg (6/1a Gagarinskaya Str., St. Petersburg, 191187, Russia)

Keywords

North Ossetia – Alania, blasphemy, feelings of believers, nativism, religious ontology, archaeology

Abstract

In 2020, in the Republic of North Ossetia – Alania, excavations of a burial ground near the medieval chapel in the village of Nuzal started. This architectural object is very important for the historical memory of Ossetians, as it is considered the tomb of Os-Bagatar, the last king of an independent medieval state of Alans, ancestors of Ossetians. In addition, this small building is inscribed as a very important element in two competing narratives about the true ethnic religion of the Ossetians. The Orthodox view the chapel in the village of Nuzal as an ancient Christian shrine (since medieval church frescoes have survived there), and Ossetian religious nativists view it as a pre-Christian site illegally appropriated by Christian missionaries. When excavations began, some nativists claimed the works were blasphemy. The article examines how the discourse of “insulting religious feelings” works, where the act of transgression is generated by the creative imagination of offended people rather than by the deliberate actions of the alleged blasphemers. Moreover, these feelings can stimulate the reinforcement of ethnic-religious identities that remain weakly articulated beyond these dramatic events.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants: Russian Science Foundation, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [grant no. 21-18-00508]

References

- Alonso, A.M. 1994. The Politics of Space, Time, and Substance: State Formation, Nationalism, and Ethnicity. *Annual Review of Anthropology* 23: 379–405.

- Beletskii, D.V. 2004. Zametki o Nuzal'skom khrame [Notes on the Church of Nuzal]. *Istoriko-filologicheskii arkhiv* 2: 22–57.
- Beletskii, D.V. and A.Y. Vinogradov. 2011. *Nizhnii Arkhyz i Senty – drevneishie khramy Rossii. Problemy khristianskogo iskusstva Alanii i Severo-zapadnogo Kavkaza* [Nizhny Arkhyz and Senty, Russia's Oldest Temples: Problems of Christian Art in Alania and the Northwest Caucasus]. Moscow: Indrik.
- Bhabha, H.K. 1994. *The Location of Culture*. London: Routledge.
- Brož, L. 2009. Conversion to Religion? Negotiating Continuity and Discontinuity in Contemporary Altai. In *Conversion after Socialism: Disruptions, Modernisms and Technologies of Faith in the Former Soviet Union*, edited by M. Pelkmans, 17–37. Oxford: Berghahn Books.
- Brož, L. 2011. Spirits, Genes and Walt Disney's Deer: Creativity in Identity and Archeology Disputes (Altai, Siberia). In *The Archaeological Encounter: Anthropological Perspective*, edited by P. Fortis and I. Praet, 263–297. St. Andrews: University of St. Andrews.
- Davie, G. 2007. Vicarious Religion: A Methodological Challenge. In *Everyday Religion: Observing Modern Religious Lives*, edited by N. Ammerman, 21–35. New York: Oxford University Press.
- Day, J. 2006. *The Mummy's Curse: Mummymania in the English-Speaking World*. London: Routledge.
- Dzhanaity, S.K. 2007. *Tri slezy Boga* [The Three Tears of God.]. Vladikavkaz: SOIGSI im. V.I. Abaeva.
- Esders, S. 2012. “Faithful believers”: Oaths of Allegiance in Post-Roman Societies as Evidence for Eastern and Western “Visions of Community”. In *Visions of Community in the Post-Roman World: The West, Byzantium and the Islamic World, 300–1100*, edited by C. Ganter, R. Payne, and W. Pohl, 357–374. Aldershot: Ashgate Publishing.
- Favret-Saada, J. 1992. Rushdie et compagnie: Préalables à une anthropologie du blasphème [Rushdie and Company: Preliminaries to an Anthropology of Blasphemy]. *Ethnologie française* 22 (3): 251–260.
- Favret-Saada, J. 2016. An Anthropology of Religious Polemics: The Case of Blasphemy Affairs. *HAU: Journal of Ethnographic Theory* 6 (1): 29–45.
- Foltz, R. 2021. *The Ossetes: Modern-Day Scythians of the Caucasus*. London: Bloomsbury.
- Goldshtein, A.F. 1975. *Srednevekovoe zodchestvo Checheno-Ingushetii i Severnoi Osetii* [Medieval Architecture in Chechnya-Ingushetia and North Ossetia]. Moscow: Nauka.
- Halemba, A. 2008. “What does It Feel Like when Your Religion Moves under Your Feet?” Religion, Earthquakes and National Unity in the Republic of Altai, Russian Federation. *Zeitschrift für Ethnologie* 133 (2): 283–299.
- Khodarkovsky, M. 1996. “Not by Word Alone”: Missionary Policies and Religious Conversion in Early Modern Russia. *Comparative Studies in Society and History* 38 (2): 267–293.
- Kohl, P.L. 1998. Nationalism and Archaeology: On the Constructions of Nations and the Reconstructions of the Remote Past. *Annual Review of Anthropology* 27: 223–246.
- Kouznetsov, V., and Y. Lebedynsky. 2005. *Les Alains: Cavaliers des steppes, seigneurs du Caucase: Ier-XVe siècles apr. J-C* [The Alans: Riders of the Steppes, Lords of the Caucasus: 1st–15th Centuries AD]. Paris: Errance.
- Kuznetsov, V.A. 1990. *Rekom, Nuzal i Tsarazonta* [Rekom, Nuzal and Tsarazonta]. Vladikavkaz: Ir.
- Mahmood, S. 2009. Religious Reason and Secular Affect: An Incommensurable Divide? In *Is Critique Secular? Blasphemy, Injury, and Free Speech*, edited by T. Asad et al., 64–100. Berkeley: University of Berkeley.

- Marchisio, R. and M. Pisati. 1999. Belonging without Believing: Catholics in Contemporary Italy. *Journal of Modern Italian Studies* 4 (2): 236–255.
- Muzhukhoev, M.B. 1985. K voprosu ob interpretatsii nekotorykh kul'turnykh pamiatnikov Severnoi Osetii epokhi Srednevekov'ia [On the Interpretation of Some Cultural Monuments of the Middle Ages in North Ossetia]. In *Voprosy istoriko-kul'turnykh svyazei na Severnom Kavkaze* [Issues of Historical and Cultural Ties in the North Caucasus], edited by M.M. Bliev, 72–82. Ordzhonikidze: SOGU im. K.L. Khetagurova.
- Pankov, I.A. 2020. Legendy ob oskvrnenii sviatyn' kak element struktury sakral'nogo prostranstva mazara [Legends of the Desecration of Shrines as an Element of the Structure of the Mazar's Sacred Space]. *Traditsionnaia kul'tura* 21 (2): 148–159. <https://doi.org/10.26158/TK.2020.21.2.013>
- Plets, G., N. Konstantinov, V. Soenov, and E. Robinson. 2013. Repatriation, Doxa, and Contested Heritages the Return of the Altai Princess in an International Perspective. *Anthropology & Archeology of Eurasia* 52 (2): 73–98.
- Riis, O. 1996. Religion et Identité Nationale au Danemark [Religion and National Identity in Denmark]. In *Identités Religieuses en Europe* [Religious Identities in Europe], edited by G. Davie and D. Hervieu-Léger, 113–130. Paris: La Découverte.
- Rosenwein, B.H. 2006. *Emotional Communities in the Early Middle Ages*. Ithaca: Cornell University Press.
- Shnirelman, V.A. 2000. Tsennost' proshlogo: etnotsentristskie istoricheskie mify, identichnost' i etnopolitika [The Values of the Past: Ethnocentric Historical Myths, Identity and Ethnopolitics]. In *Real'nost' etnicheskikh mifov* [The Reality of Ethnic Myths], edited by M.B. Olcott and A. Malashenko, 12–33. Moscow: Gendal'f.
- Sinanov, B.A. 2022. 1100-letie Kreshcheniia Alanii v obshchestvenno-politicheskom i obshchestvennom diskurse Severnoi Osetii [The 1100th Anniversary of the Christianisation of Alania in the Socio-Political and Public Discourse of North Ossetia]. *Kavkaz-Forum* 11 (18): 108–128. <https://doi.org/10.46698/VNC.2022.18.11.009>
- Tadina, N.A. 2020. A Native Anthropologist's View on Covering the “Altai Princess” Problem. *Anthropology & Archeology of Eurasia* 59 (2): 112–127.
- Timothy, D.J. and P.J. Conover. 2006. Nature Religion, Self-Spirituality and New Age Tourism. In *Tourism, Religion and Spiritual Journeys*, edited by D.J. Timothy and D.H. Olsen, 139–155. London: Routledge.
- Tmenov, V.K. 1985. Drevnie verovaniia osetin i ingushei i ikh otrazhenie v pamiatnikakh material'noi kul'tury [Ancient Beliefs of the Ossetians and Ingush and Their Reflection in Monuments of Material Culture]. In *Voprosy istoriko-kul'turnykh svyazei na Severnom Kavkaze* [Issues of Historical and Cultural Ties in the North Caucasus], edited by M.M. Bliev, 33–71. Ordzhonikidze: SOGU im. K.L. Khetagurova.